РУССКАЯ БЕСѢДА

МОСКВА.

Помяните одно: только кòренью основанье крѣпко, то и древо неподвижно; только кòренья не будетъ, къ чему прилѣпиться?

Окруж. Грам. Москвы. (Акты Арх. Экс. Т. II. стр. 298).

1856.

III.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1856.

Digitized by Google

PSlav 600.5 (1856, no. 3)

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Октября 26 дня 1856 года.

Цензоръ Н. Фонъ-Крузе.

Digitized by Google

ДНИ И МѢСЯЦЫ

УКРАИНСКАГО СЕЛЯНИНА

(Михаила Максимовича.)

III. МАЙ.

Третій мѣсяцъ весны, Май, встарину назывался Тр
въ этотъ мѣсяцъ наростаетъ трава по степямъ, лугамъ
па сѣно и на лѣкарства.

Мая 1-го, въ день святаго пророка Іереміи, жител
бираются послѣ обѣда на гулянье, которое отъ начала пр
лѣтія и до послѣднихъ годовъ дѣялось за Лыбедью, въ
лявщинѣ, называвшейся въ древности Шѣлковымъ борком
лянье повелось у Кіевлянъ по примѣру, занятыхъ у западны
маевокъ или *майскихъ рекреацій*, для которыхъ Кіевс
съ учителями выходили изъ своихъ «Аполлоновыхъ жите
на гору Скавику (по древнему Щековицу), и тамъ потѣ
древнюю матерь Русскихъ городовъ разными играми и
ніями. Но селянинъ Украинскій не знаетъ гулянья въ де
Яремы, возлагавшаго на себя ярмо во дни своихъ г
«Прійде май, то всякъ собѣ дбай», говоритъ Украинецъ
но продолжаетъ свою оранку и сѣвбу на полѣ. Тогда
для свадебъ, въ хозяйскомъ быту: «Хто въ Маѣ звѣнча
вѣкъ маяться.» Такъ и у Великорусскаго селянина: «С

(*) Horrea Apollinea: такъ называлъ Кіевобратскія Школы Силь
въ книжкѣ своей Exegesis, 1635.

Digitized by Google

мѣй—Запрягальникъ,» а первомайское гулянье Москвы въ Сокольникахъ зовется «Нѣмецкими станами.»

Люблю поглядѣть на Украинскую óранку весною, когда, въ виду зеленѣющихъ житами нивъ, тяжелые плуги, влекомые восмериками круторогихъ воловъ, ходятъ по широкой степи, бороздя *въ складъ* тугую землю, и, подъ сіяніемъ благодатнаго солнца, среди немолчнаго пѣнія веселыхъ жаворонковъ, раздаются протяжные клики погоничей: «*Гей!*» т. е., впередъ!.. Много жизни въ этой потовой работѣ пахаря; въ ней совершается первоначальный трудъ, назначенный человѣку отъ Бога: *дѣлати землю*! И земледѣліе для Украинскаго народа,—потомка и наслѣдника древнихъ *Полянъ*, — выше всякаго ремесла и промысла, любимое дѣло его жизни.

Какъ ни легка сѣверная *соха*, и особенно безколесная соха *одноконка*, но Украинскій селянинъ не покидаетъ своего праотческаго *плуга*, который и не кажется ему тяжелымъ, также какъ не кажутся ему тяжелыми ни волы и возы его, ни его степная *земля-мати*, ни самъ онъ, въ своемъ многотрудномъ хозяйскомъ быту, гдѣ все у него сладилось вѣками одно къ одному... «Якъ плугомъ одъоравъ,» говоритъ онъ о томъ, кто облегчитъ ему душу, выручивъ изъ какой либо трудности. Онъ увѣренъ, что *соха*, столь удобная на своихъ мѣстахъ, для степной земли не годится, что къ надлежащему поднятію Украинской земли на хлѣбъ—способенъ только *плугъ*, которому и придаетъ онъ высокое происхожденіе. Ибо онъ говоритъ, что самъ Богъ далъ Адаму *плугъ*, а Еввѣ *кужéлку*, когда высылалъ ихъ изъ рая; что и «Кузьма-Демьянъ, Божій-Коваль,» ковалъ плугъ, когда великій змѣй, истреблявшій родъ людской, хотѣлъ уже напасть на него... И уже языкомъ своимъ пролизалъ змѣй желѣзную дверь въ его кузницу. Тогда Божій-Коваль ухватилъ змѣя клещами за языкъ, запрегъ въ плугъ, и прооралъ землю отъ моря до моря; и тѣ борозды лежатъ по обѣ стороны Днѣпра *змѣевыми валами*. Великій змѣй въ плугѣ все просился напиться воды изъ Днѣпра; а Божій-Коваль все погонялъ змѣя, паки доорался до Чернаго моря, тогда уже пустилъ змѣя пить доволи; и какъ выпилъ пол-моря, то и разсѣлся; и поползли изъ него по всей землѣ малыя змѣи.—По народному сказанью и Князь-Борисъ все плуги ковалъ да людямъ давалъ! За то и великое почтеніе къ святому Князю у земледѣльческаго народа Украйны.

Мая 2 го, *на веснянаго Бориса*, здѣсь, въ Переяславской Украйнѣ,

Digitized by Google

отмѣняется полевая работа, по пословицѣ старыхъ людей: «На Глѣба-Бориса за хлѣбъ не берися». Въ другихъ мѣстахъ Украйны это относятъ къ *Лѣтнему Борису* (24-го Іюля).

Ко дню веснянаго Бориса, называемому у Великороссіянъ «соловьинымъ днемъ,» народъ изъ хуторовъ и селъ Переяславской Украйны идетъ какъ *дымъ*, на берегъ Ильтицы (т. е. Альты), освященный кровью святаго Князя Бориса (24 Іюля, 1019 года). Тутъ и въ древнее время стояла часовня, поминаемая въ Лѣтописаньи подъ именемъ «божницы Летьской» (т. е. Альтской); и къ ней ходили тогда изъ Переяслава праздновать *2-го Мая*, какъ день перенесенія мощей Бориса и Глѣба. Оно совершено было въ Вышгородѣ, въ первый разъ 1072-го, а въ другой разъ 1115 года, при Великомъ Князѣ Владимірѣ Всеволодовичѣ Мономахѣ. Сей «добрый страдалецъ за Русскую землю, (какъ онъ названъ въ Кіевской Лѣтописи) по *великой* любви своей къ святымъ мученикамъ-Князямъ, поставилъ во имя ихъ *прекрасную* церковь на славномъ берегу Ильтицы, и у той *милой* ему церкви окончилъ онъ свою жизнь *19-го Мая*, 1125 года, а отсюда перевезенъ дѣтьми своими въ Кіевъ, ко святой Софіи, и тамъ положенъ возлѣ отца своего, и возлѣ меньшаго брата своего, Ростислава, Князя Переяславскаго, утонувшаго въ рѣкѣ Стугнѣ, *26 Мая*, 1093 года.

Вышепомянутая божница въ позднѣйшіе вѣки возобновлялась постоянно (подъ именемъ *каплички*) надъ *каменнымъ крестомъ*, поставленнымъ *на крови св. Бориса*, 1664 года, 2-го Мая. Въ недавнее время, попеченіемъ Переяславскаго Архіепископа Гедеона, сооружена на мѣстѣ часовни каменная церковь. Сюда въ Борисовъ день, послѣ Литургіи, идетъ большой крестный ходъ изъ Переяславскаго Вознесенскаго Собора; и когда совершится водоосвященіе на завѣтномъ берегу Ильтицы, народъ цѣлыми сотнями устремляется въ освященную рѣку, чтобы окупаться въ ней и, вмѣстѣ съ сброшенною съ себя одеждою, потопить въ ней свои недуги и печали; а множество народа и весь молебенъ слушаетъ стоя въ рѣкѣ.

Между тѣмъ, какъ на поляхъ Украйны производится весенняя оранка, съ нею продолжается и сѣвба.—*Ярина*, собственно такъ называемая, сѣется въ началѣ весны на *ролѣ*, поднятой плугомъ съ осени *на Зябь*, и потомъ проходимой раломъ уже передъ самимъ посѣвомъ. *Усатый ячмѣнь* говоритъ своему хозяину: «Кидай мене въ грязь, то будешь ты князь!» и за Днѣпромъ говоритъ онъ: «Топчи мене

Digitized by Google

въ болото, то буду якъ золóто!» За ячменемъ идетъ въ ролью *ярая пшеница*, а за нею *рясный овесъ*.

Чтобы пшеница родилась чистая «якъ золото», многіе хозяева сѣютъ ее въ Чистый (Великій) Четверкъ; а чтобы въ ея колосья не вкидалась травная болѣзнь, *Сажка*, сѣютъ ее въ ту пору дня, какъ уже не видно дыму изъ хатъ, и бросая зерна ея въ ту сторону, куда вѣтеръ вѣялъ на Евдокіи. Если же сѣется пшеница и не въ Чистый Четверкъ, то примѣтливый *сьвáкъ* надѣваетъ на себя ту сорочку, въ которой онъ причащался, и которую для того скидаетъ онъ съ себя тотчасъ, какъ прійдетъ изъ церкви послѣ причастія. Разсѣявъ пшеницу, разумѣется на-щó-сердце (т. е. на-тощакъ), садятся и ѣдятъ сперва тѣ кресты, что спечены были въ сéреду *на Хрéстци*, изъ своей, непокупной, пшеницы, и при томъ съ макомъ, въ ту середу сѣемымъ. Такъ ярая пшеница, — эта *княгиня* между хлѣбами,—предохраняется отъ докучнаго, хотя и красиваго, зелья, *куколю*, сѣянье котораго въ яринѣ, по Украинскому повѣрью, вмѣняется *Полевому Дѣдьку*, его же (какъ и *водянаго или болóтянаго, и лѣсоваго, и вьтрянаго* и всякаго *Дѣдька*) зовутъ и безъ различія *сатаною*, *бѣсомъ*, *чортомъ*, *лукавымъ діяволомъ*. Полевому сатанѣ или дѣдьку вмѣняется сѣянье еще двухъ зельевъ: *осоту* по полямъ, и *вéху* по болотамъ. О ядовитомъ *вехѣ* (cicuta virosa) ведется Украинское повѣрье, что онъ стонетъ какъ человѣкъ. О *куколѣ* (agrostema githago) идетъ сказка, что изъ него сатана выкурилъ первую *горѣлку* на свѣтѣ, и подпоивъ нашу проматерь, Евву, далъ ей закусить яблочкомъ. А объ томъ, какъ сатана разсѣялъ по нивамъ *осóтъ* (cirsium arvense), ведется на Украинѣ такая сказочка. Когда уже была сотворена земля, и пошло на ней все своимъ порядкомъ, увидалъ сатана, что мужикъ сѣетъ на нивѣ, и спрашиваетъ: «А что ты сѣешь?»—«Овесъ.»—«А гдѣ ты взялъ?» «Богъ далъ».—Вотъ тогда сатана предсталъ передъ Бога, и выпросилъ себѣ овса; и побѣжалъ съ нимъ на землю, твердя, чтобъ не забыть: «Овесъ, овесъ»... А святый Петрó говоритъ: «Господи! понесъ сатана на землю овесъ; а то зелье доброе, пригодное человѣку и для коней и для него самаго; дать бы сатанѣ какое непотребное зелье!» — И сказалъ Богъ: «Добре!»—Тогда святый Петро, догнавъ сатану, спросилъ у него вдругъ: «Чтó ты несешь?»—Оторопѣвъ, сатана проговорилъ: «Тьфу! вотъ же уже и забылъ.»—«Не кропиву ли?»—«Нѣтъ, нѣтъ, то такое, что какъ говоритъ, то сычитъ!»—«Можетъ, *осотъ*?»

Digitized by Google

«Такъ, такъ!» сказалъ сатана, побѣжалъ на землю, тверда, чтобъ не забыть: «Осотъ, осотъ»...

Изъ всѣхъ хлѣбовъ на полѣ, говорятъ, сатана старается вредить особенно пшеницѣ, какъ самому бѣлому и самому святому хлѣбу; и онъ вредитъ ей куколемъ, и всячески. Въ одной пѣснѣ говоритъ козакъ:

«Дѣвчиноньку, припѣсъ тебе *дьдьку*,—
Посѣявъ я пшениченьку рѣдко».

Недобрый нахлѣбникъ земледѣльца извѣстенъ и у нашей Западно-славянской братіи. Такъ у Словаковъ, когда весною (на *Квѣтной* или *Смертной* недѣлѣ) дѣвчата торжественно несутъ изъ села соломянную куклу *Морены* (какая и на Украйнѣ кое-гдѣ наряжается, подъ именемъ *Марины*, въ Купальную ночь),—хлопцы за ними несутъ соломяннаго *Дѣдка*, припѣваючи:

«Дѣдко нашъ, Дѣдко!
Пожравъ си намъ вшѣтко (*).»

Мы уже видѣли, какъ дѣвчата на Украйнѣ, въ своихъ веснянкахъ, воспѣваютъ и разыгриваютъ сѣянье маку, ячменю, пшеницы и проса. Что касается до сѣвбы *проса* на самомъ дѣлѣ, то она начинается съ конца Проводной (Ѳоминой) недѣли, и повторяется нѣсколько разъ, смотря по погодѣ и досугу: «Коли до Ивана просо зъ ложку, то буде и въ ложку!»—Землю на просо поднимаютъ плугомъ обыкновенно весною, и не ралятъ раломъ, а *скородятъ* бороною; а потомъ, разсѣявъ просо, *волочатъ* бороною съ *напоромъ*, т. е. съ привязанными къ ней полѣньями, чтобы разбивать землю и затирать въ нее зерно. Гдѣ можно, тамъ на просо, какъ и на лѣнъ, поднимается *Новь*. Въ просо, какъ и въ пшеницу, нерѣдко вкидается травная болѣзнь, *сажка*, отъ которой у него, вмѣсто многозернистыхъ *волотьевъ*, выростаетъ *кичка*,—травяной мѣшокъ, наполненный дрянью. Въ предохраненіе отъ этого, все назначаемое къ посѣву, просо перепускается черезъ поломя или черезъ дымъ зажженной соломы; а иные полагаютъ, что достаточно для того кинуть въ огонь жменю (горсть) проса, передъ самымъ посѣвомъ. Въ обоихъ случаяхъ ожидаютъ, что отъ такого очищенія проса *огнемъ*, оно уродится чистое, *якъ вода*.—Въ просѣ растетъ обыкновенно, сродный съ нимъ злакъ, *брыця*

(*) См. Колара.

Digitized by Google

(setaria viridis et glauca, по Линею panicum); но какъ зерно этой, впрочемъ сорной, травы, любитъ *дробина* (домашняя птица), то объ ней говорятъ: «Брыця въ пашнѣ помошниця.» Когда весною появляются во множествѣ жуки, называемые *хрущами* (отъ которыхъ зазеленѣвшія лубравы становятся тогда опять безлиственными), то это примѣта богатаго урожая просу. А у жонокъ Украинскихъ есть другая примѣта: когда цыплята заводятъ пѣніе еще подъ квочкою (насѣдкою), то это—на просо.

Вмѣстѣ съ просомъ, на Проводной недѣлѣ, начинаютъ сѣять *конопли*. Эти раннія проводныя конóпли сѣются собственно на тонкую пряжу, которая тянется изъ *плòскони* (т. е. мужеской конопли); а ранняя, *мáтерка* (т. е. женская конопля), если и бываетъ годна на прядиво, то на *сѣмья* хороша не бываетъ.

Изъ всего, что сѣется въ полѣ, только на конопли (да еще на *тютюнъ*, табакъ) готовится *пòдметъ*, т. е. унавоженная нива, избираемая обыкновенно въ долинковàтомъ мѣстѣ, и поднимаемая глубоко плугомъ въ осени, а потомъ еще въ другой разъ весною. Что же касается до хлѣбныхъ злаковъ, то ни одинъ изъ нихъ, на богатыхъ степяхъ Украйны, не нуждается еще въ навозной пищѣ; земля-мати питаетъ ихъ еще сама, безъ трудовой возни человѣческой; и отъ напраснаго унавоженья степной земли хлѣбá вылегаютъ на ней, какъ отъ проливныхъ дождей, и растутъ болѣе въ солому, чѣмъ въ зерно.

Украинскій селянинъ, при своей черноземной почвѣ, остается безпечнѣе земледѣльца Сѣверноруссkаго. Посѣявъ *ярину*, онъ ждетъ на нее и на весь свой хлѣбъ Майскаго дождя, какъ благодати Божіей; ибо, говоритъ онъ: «Якъ выпадуть въ Маѣ три дощи добрыхъ, то дадуть хлѣбá на три годы!» А жонки, какъ только сберутся въ свои веселыя бесѣды, всегда поютъ и пьютъ за урожай пашни:

«Ой выпіймо, родúно,
Щобъ намъ жито родило;
И житечко, и овесъ,
Щобъ зобрався родъ увесь;
И пшениця, и ячмѣнь,
Щобъ намъ жити смачнѣй!»

Къ этому пиая припѣваетъ еще:

«А гречечка на крупы;
Якъ не стане, той купи!»

Digitized by Google

ганкою, а по сказкѣ Великорусской и происшедшая изъ Княжны *Крупенички*,—сѣется на зерно уже въ Іюнѣ мѣся ка *маёвка* сѣется собственно на цвѣтъ для пчелы, которая го зяину: «Годуй мене до Ивана, то наряжу тебе якъ пана!»— былъ было сказать о *горохѣ*, который сѣется на полѣ рано, яринóю, такъ какъ онъ не боится весенних морозовъ. Самым ятным днемъ для его посѣва почитается Лазарева Суботa въ полѣ при другихъ хлѣбахъ тоже, что убогій *подсус хозяинъ-багатырь*. На Украйнѣ бѣднякъ-селянинъ говори «Живу, якъ горохъ при дорòзѣ: хто йде, не мине, за стручечок Полагаютъ, что отъ сосѣдства съ твердо зернистымъ я горохъ родится съ зерномъ твердымъ и невкипущимъ; а ч его было мягкое и раскипчастое, сѣютъ его возлѣ гречки, лучше на мягкой гречкóвкѣ.

Какъ жемчугъ во снѣ, такъ горохъ на яву есть примѣ біе слезъ. Потому утромъ на Васильи, когда по хатамъ разнымъ зерномъ, въ привѣтъ съ Новымъ годомъ, не посыпать горохомъ. По этому молодицы не ѣдятъ гороху на (на-тощакъ), чтобъ не катились у нихъ слезы изъ очей замужняго житья. А межлу тѣмъ:

«Соловейко у садочку тёхъ-торрóхъ;
Покотились дрóбны слёзы, якъ горохъ...»

Но оставимъ на время поля, и обратимся къ водамъ, представителю *Днѣпру-Словутъ*, который въ Козацких величается *батькомъ*:

«Ой ты, Днѣпре, ой ты батьку мôй,
Скажи правду да Самарськую!»

Рѣка Самара называлась у Козаковъ *Святою*, и тамъ, в при впаденіи Самарчика, былъ Запорожскій *Пустынно-И* монастырь.

Разливъ Днѣпра, которымъ такъ роскошно означаетъ себ Украйнѣ, останавливается обыкновенно около Юрьева дня, говорятъ, какъ зацвѣтетъ *густый тёрень* (терн). Въ кончается и выходъ живой рыбы изъ Днѣпровской гл луговое мѣлководье, для весенняго *тёрла*.

Digitized by Google

Прежде всѣхъ рыбъ выходитъ *щука*, зачинщица весны въ Днѣпрѣ, самая знаменательная рыба у народа Украинскаго:

«Щука рыба въ морѣ
Гуляе доволи;
А я козакъ на чужинѣ,
Да не маю доли!»

Молодая козачка, въ тоскѣ по своемъ мужѣ, находящемся въ походѣ, поетъ себѣ:

«Ой зыйду я, зыйду
На крутую гору,
Ой стану я, ой гляну я
На быстрѣньку воду:
Щука рыба грае,
Доволи гуляе,
А я стою, да думаю,
Що пары не маю!»

«Щука хвостомъ ледъ розбивае.»—А кончаетъ весну въ Днѣпрѣ толстый *корбпъ*, такой же прыгущій, какъ щука, и, также какъ она, бывающій иногда въ пудъ вѣсомъ. Позднѣе всѣхъ рыбъ выходитъ онъ на мѣлководье изъ глубины Днѣпровской, уже подъ конецъ разлива (*). Но самымъ вѣрнымъ показателемъ, что розливъ Днѣпра кончается, служитъ птица *крячбкъ*, и особенно *черный крячокъ* (sterna nigra), съ которымъ въ пѣсняхъ сравнивается бездонный козакъ-сиромаха. Прилетая на Украйну, эти крячки пристаютъ сперва на Сулѣ, Супоѣ и другихъ меньшихъ рѣкахъ; но какъ только остановиться розливу Днѣпра, они во множествѣ налетаютъ на его берега. Это замѣчается и въ обыкновенный, ранній розливъ, и въ поздній, доходящій иногда до Николина дни, но не далѣе.

Мая 9-го, *на Весняго Николы* — великій праздникъ, въ память перенесенія мощей сего Святителя и Чудотворца въ городъ Баръ, 1087 года. Во многихъ мѣстахъ Малороссіи дѣ-

(*) *Коропова луска* составляетъ на Украинѣ любимый узоръ для тканья скатертей, а также и для густыхъ поясовъ, такихъ красныхъ, «якъ жаръ потухае»... А для женскихъ *плахтъ* самый лучшій узоръ встарину былъ—*воловы очи*. Воловыми очами здѣсь, на Супоѣ, зовется и дикорастущая порода астры (aster amellus).

Digitized by Google

лаютъ въ этотъ день заздравные обѣды, называемые «Николь-щиною».

Тогда-то особенно хорошо поются два псалма Святителю, слышимые, впрочемъ, всегда и вездѣ, гдѣ только поютъ *старцы* (нищіе) и *лирники*:

«Ой хто, хто Николая любить,
Ой хто, хто Николаю служить,
Тому святый Николае,
На всякій часъ помогае,—
Николае»! и т. д.

Къ нему, *Скорому Помощнику*, обращается съ молитвою народъ во всѣхъ внезапныхъ бѣдахъ и напастяхъ, особенно же почитается онъ властвующимъ *на водахъ*, и въ Кіевскомъ Софійскомъ Соборѣ кто изъ Украинцевъ не знаетъ придѣла во имя *Николая Мокраго*, съ чудотворнымъ его образомъ?

Въ одной изъ Украинскихъ колядокъ поютъ:

»Сидить Николай
Въ концѣ престола,
Головку зхиливъ,
Слёзоньку вронивъ;
А зъ тои слёзы
Дунай разлився...»

Днемъ *Веснянаго Николы*, по Староукраинскому народному понятію, освящается вода на купанье; а прежде сего дня не должно вбродить въ воду на купанье — «бо зъ чоловѣка верба вырасте,» т. е. выростетъ надъ его прибережной могилою, изъ поставленнаго на ней вербоваго креста (какъ это нерѣдко бываетъ на кладбищахъ, что могильные кресты разростаются въ большія плакущія вербы). До веснянаго Николы не должно и конопель мочить въ водѣ; а если намочены, то къ этому дню надо вытянуть ихъ изъ воды, чтобъ не пришлось вытягивать утопленика.

Къ Скорому Помощнику обращаются съ молитвою Украинцы отъ всякой *мары* (привидѣнья), особенно же отъ «болотянаго дѣдька», въ бытіи котораго народъ не сомнѣвается.

Множество разсказовъ на Украинѣ, о томъ, какъ *болотяникъ*, подмѣтивъ запоздалаго въ шинку гуляку, сторожитъ его, обернувшись

Digitized by Google

въ веселаго человѣка, и вызываетъ проводить его до дому, и въ темную ночь присвѣчиваетъ ему своимъ болотянымъ огонькомъ; когда гуляка проснется утромъ, то видитъ себя на водяной мельницѣ, или на иной надводной кручѣ, на которую самому и не взлѣзть бы. Иной разъ дѣвчатамъ, когда пойдутъ онѣ на болото, по лакомый для нихъ *рогозъ*, вдругъ покажется черный волъ въ купьяхъ, или жидъ въ ольхахъ... и когда онѣ станутъ креститься, не станетъ вдругъ ни чернаго вола, ни жида въ красномъ поясѣ, а только прошумитъ тамъ, какъ бурею. Иногда болотяникъ, подъ видомъ вьюна, заползаетъ въ рыболовную вершу, которую онъ очень любитъ, особливо ту, что называется *скрипкою* (что на верху съ колпакомъ). Къ тому-то въ Веснянкахъ поютъ дѣвчата:

«Ой, на́ тобѣ, сатано́, вершу—
Верни мою женишину першу!
Ой, на́ тобѣ, сатано́, и другу—
Верни мою женишину любу!»

Но самая любимая потѣха болотяника—разорять по ночамъ плотины и гребли, съ такимъ трудомъ насыпаемыя и поправляемыя Украинскими Козаками. Къ тому-то въ Веснянкахъ поютъ дѣвчата про невѣрнаго жениха:

Нехай ёго тіи просять,
Що гребли розносять;
Нехай ёго тѣ благають,
Що гребли ламають!»

Когда же болотяникъ вздумаетъ настойчиво разорять въ греблѣ каждую ночь то, что сработано людьми въ продолженіе дня, тогда противъ этого есть особенное знахарское средство: закопать въ греблѣ *кобылью голову*, которой болотяный дѣдько и не любитъ, и боится (знахорки собираютъ и ту траву, что прорастаетъ сквозь очныя ямки конской головы)

Здѣсь, на Супойскихъ степяхъ, малыя дѣти, когда входятъ въ воду на купанье, то проговариваютъ на распѣвъ:

«Чортòкъ, чортòкъ,
Не ламай кôстóкъ;
Ты зъ воды, а я въ воду!..»

Digitized by Google

Вотъ кстати еще купальная пѣсенка, которую проговариваютъ обыкновенно по выходѣ изъ рѣки, когда вода заходитъ въ уши. Тогда, приложивъ руки къ ушамъ, качаютъ головою вправо и влѣво, проговаривая на распѣвъ:

«Коте, коте! вылій воду на колоду:
Чи на грóмъ, чи на дощъ, чи на блискавку?..»

А дѣвчата къ этому прибавляютъ:

«Чи на мене молодую, якъ на листовку (?).»

Потомъ смотрятъ на ладони: если сухо, то это на молнію и зарницу; а если блеститъ вода, то это на дождь и грозу.

Мая 10-го, на *Симона Золота* (т. е. Зилота)—замѣчательный день относительно травознанія—бабы и молодицы Украинскія рвутъ и копаютъ всякія цѣлебныя зелья, полагая, что это именно тотъ весенній день, когда всякая трава бываетъ въ своей силѣ. *Украинскій Зѣльникъ* такъ обширенъ, что я не стану и называть того, что собирается въ этотъ день, и для чего именно собирается. По народному понятію, каждая трава на землѣ имѣетъ свою цѣлящую силу и для чего-нибудь полезна, да только не всякому дается травознаніе. Есть объ этомъ и присказка.

Ѣхалъ чумакъ съ своимъ наймитомъ изъ Запорожья на Украину; остановился на пóпасъ; и когда развели огонь, онъ отошелъ въ сторону, свистнулъ на гадъ, и сползлась его цѣлая куча. Чумакъ взялъ изъ нея, что ему было надобно, вкинулъ въ котелокъ; и когда закипѣла вода, онъ слилъ ее на земь; слилъ и другую воду; и уже въ третью воду съ *гадюками* (змѣями) всыпалъ пшена. И когда наѣлся чумакъ той каши, велѣлъ наймиту пойти на рѣчку вымыть котелокъ и ложку. «Да гляди жъ ты,—говоритъ,—не коштуй (не отвѣдывай) моей каши!» А наймитъ не утерпѣлъ, наскрёбъ себѣ полную ложку гадючей каши, да и съѣлъ. И вдругъ стало ему чудно: видитъ и слышитъ онъ, что всякая трава на степи колышется и наклоняется одна къ одной, и шепчетъ: «Я отъ того-то! У меня такая-то сила!» А какъ сталъ онъ подходить къ возу, то слышитъ, что волы говорятъ между собою: «Вотъ уже идетъ, опять будетъ закидать насъ въ ярмо!» А какъ поѣхали степью мимо толоки, которая вся была покрыта *бодякóмъ*, какъ червонымъ сукномъ, то услышалъ наймитъ, что бодякъ, качаючись, все говоритъ себѣ: «а я отъ....», и съ того онъ за-

Digitized by Google

смѣялся; а чумакъ примѣтилъ, да не сказалъ ничего. Вотъ пришлось ѣхать черезъ бродокъ; жеребенокъ, бѣжавшій за возомъ, остановился: а кобыла, привязанная за возомъ, проговорила ему: «Гмъ, гмъ! бре́ди, бреди, не глыбоко!» Наймитъ опять засмѣялся; а чумакъ говоритъ: «Чого ты, хлопче, смѣешься?»—«Да то я съ кобылы!..»—«Э, сучій сынъ, я жъ не велѣлъ тебѣ коштовать моей каши!..» И, вставъ съ воза, чумакъ отошелъ всторону, вырвалъ стебло *чернобыли*, облупилъ его и говоритъ: «На́, съѣжъ!» И когда съѣлъ наймитъ стебло чернобыли, пересталъ слышать, какъ шепчутся на степи травы, и позабылъ все, что онѣ говорили. Отъ того-то чернобыля и зовется на Украинѣ *забудьками*.

Украинскія хозяйки въ день *Симона Золота* закармливаютъ своихъ коровъ разными желтыми травами, чтобы масло было желтѣе; чтобы молоко лучше ссѣдалось въ сметану и сыръ, обмываютъ коровамъ вымье отваромъ изъ травы *сѣдача* (eupatorium cannabinum), въ этотъ день собранной. Майское масло уважается не только по виду своему, но и какъ цѣлебное средство: въ несоленомъ видѣ оно сберегается бабами, какъ лучшая мазь для дѣтей. Въ этотъ же день производится на Украинѣ первый посѣвъ льну.

Мая 11-го, на *Обновленіе Царягорода*, у примѣтливыхъ хозяекъ идетъ спѣшная полотьба и оправка грядокъ на огородахъ. Тогда же садится и сѣется поздній горохъ.

Извѣстное дѣло, что для огородовъ, равно и для нивъ, находящихся возлѣ степныхъ садовъ, воробьи тоже, что нѣкогда для всей Украины были Жиды, съ которыми и сближаетъ воробьевъ народное повѣрье въ разныхъ случаяхъ... Чтобы охранить отъ нихъ большія гряды съ *со̀ячниками* (т. е. подсолнечниками) и другимъ лакомымъ добромъ, оно садится и сѣется обыкновенно до восхода солнца, или же еще лучше по заходѣ солнечномъ. Кромѣ того, нѣкоторыя хозяйки прибѣгаютъ къ слѣдующему способу: послѣ посѣва, когда станетъ уже совсѣмъ темно, скинувъ съ себя сорочку, обѣгаютъ онѣ вокругъ своихъ грядъ три раза, съ такою приговоркою: » Якъ не може по свѣту голе годити, щобъ такъ не могли горобци моихъ со̀яшникôвъ пити!» При этомъ надобно еще держать въ рукахъ *паляни́цу-забудьку*, т. е. такую, которая иногда забудется въ печи, когда выбирается изъ нея пе́чево паляницъ. Это обѣганье вокругъ грядокъ огородныхъ и даже полевыхъ, ночью и нагишемъ, напоминаетъ собою то *опахиванье*, которое Великороссійскія поселянки совершаютъ

Digitized by Google

цѣлою громадою, вокругъ своихъ селъ, въ охраненіе ихъ отъ мору и падежи.

Мая 13-го, *на Лукерьи гречкосѣйки*, производится первая сѣвба *гречки*, такъ называемой *маѣвки*, которая рѣдко бываетъ урожайною на зерно, развѣ въ седьмой годъ; а сѣется она собственно для цвѣту, на поживу пчеламъ.

Мая 21-го, *на царя Константина и царицы Олены*, производится главная сѣвба льну. Такъ и у Великороссіянъ: «Алёна Долгіельны.» Тамъ, въ мѣшокъ со льномъ, отправляемый въ поле на посѣвъ, бабы кладутъ тайкомъ отъ хозяина пару печеныхъ яицъ. Здѣсь, при посѣвѣ льну, для будущей бѣлизны волокна его, варятъ и ѣдятъ яйца на полѣ; а чтобы ленъ росъ повыше, сѣянье его поручалось встарину самому рослому человѣку.

Но оранка, въ этотъ день Мая, почитается дѣломъ опаснымъ; ибо, говорятъ, царь Константинъ выбиваетъ градомъ то поле на столько, на сколько можно заслышать крикъ погонича. На Украинѣ, когда наступаетъ градовая туча, (а узнаютъ ее по бѣлымъ въ ней сверху внизъ полосамъ) выкидаютъ изъ хаты на дворъ кочергу, лопату и помело.

На огородахъ въ этотъ день пересаживаютъ огурцы. Увидавъ первый цвѣтъ на огурцахъ (равно и на гарбузахъ, т. е. тыквахъ), хозяйка перевязываетъ его красною ниткою, поспѣшно вырванною на себѣ изъ пояса, и приговариваетъ: «Якъ густо сей поясъ вязався, щобъ такъ и мои огурки густо вязались у пупянку въ огудинѣ!» Когда же, не смотря и на эту перевязку, много бываетъ пустоцвѣту, тогда заботливая огородница старается гдѣ нибудь найти затерянный Литвинами (т. е. Бѣлорусцами) *лычакъ*, т. е. лапоть, волочетъ его ногою на свой огородъ, и кидаетъ на огуречную грядку, приговаривая: «Якъ густо сей лычакъ плёвся, чтобъ такъ и мои огурки густо вязались въ огудинѣ!» А чтобы молодую огуречную огудину, да и всякую вообще зелень, не подъѣдала огородная гусень, для того садятъ огородину на-що-сердце (на-тощакъ).

Мая 25-го, *на Головатаго Ивана* (т. е. на Третіе обрѣтеніе главы Іоанна Предтечи), производится главная посадка капусты, о которой всего болѣе печалуется огородница. Принимаясь за первое стебло или розсаднну, она прежде всего перекрестится, говоря: «Дай же, Боже, часъ добрый! щобъ моя капусточка пріймалась и въ головкы складалась!» Потомъ она ухватитъ себя за голову, ударитъ

Digitized by Google

себя по стегнамъ, говоря: «Щобъ моя капусточка була изъ кореня коренистая, а изъ листу головистая!» а присѣдаючи къ землѣ, она продолжаетъ: «Щобъ не росла высоко, а росла широко!» А посадивъ стебло въ землю, придавитъ грядку колѣномъ, «щобъ була (капуста) тугà, якъ полѣно!» Когда же докончитъ посадку, тогда, въ начальномъ концѣ грядки, она ставитъ большой горшокъ вверхъ дномъ, накладываетъ на него камѣнѣцъ, а сверху бѣлую хустку (полотняный платокъ), для того, чтобы капуста была «тугà якъ камѣнецъ, головата якъ горщокъ, а бѣла якъ платокъ!» Остальная розсада капусты садится въ клечàльную суботу (наканунѣ Духова дня), если та субота приходится послѣ 25-го Мая.

Пряхи «на головатаго Ивана» не принимаются за веретено, также, какъ и на первое *Обрѣтеніе* (24 февраля).

Означивъ постоянные дни Мая мѣсяца, замѣтные у селянина Украинскаго, обратимся къ переходнымъ днямъ и недѣлямъ.

Тутъ прежде всего замѣчательна, на *четвертой* недѣлѣ по Пасхѣ, *Прáвая Середа*: такъ зовется въ Малороссіи день Преполовенія. На Волыни и Подольи, и въ Червоной Руси, Правая Середа зовется еще *Рахманскимъ Великоднемъ*. Это имя, неизвѣстное на Украинѣ, указываетъ на какое-то особеное значеніе Правой Середы, уже позабытое въ народѣ; ибо и тамъ, за Днѣпромъ, народъ не знаетъ, въ чемъ состоитъ «Рахманскій Великдень», а говоритъ только, что онъ остался отъ *Рахмановъ*, когда-то жившихъ въ той сторонѣ! Здѣсь, на Украинѣ, извѣстна Веснянка:

«Ой на Праву Середу
Пасла дѣвка череду...»

Но въ ней воспѣто случайное происшествіе дня, не объясняющее намъ его прежняго значенія. Намекомъ на него остается только тотъ обычай Украинскій, что въ этотъ день, до восхода солнца, ломятъ и рѣжутъ *березовыя вѣтви*, и берегутъ ихъ на весь годъ, какъ цѣлебное средство отъ всякихъ поврежденій и болей въ кости, говоря, что береза на Правую Середу становится въ полной силѣ своей и — *правитъ кость*. А какъ береза, по народно-Украинской символикѣ, есть представительница весны, то Правая Середа не была ли нѣкогда праздникомъ полнаго развитія весны, и не приходилась ли она въ травный день Симона Зилота, прежде, чѣмъ пріурочена стала ко дню Преполовенія?...

Digitized by Google

Хотя по Пасхаліи она приходится уже въ разное время (между 15-мъ Апрѣля и 18 Мая), однако на Украинѣ она почитается самымъ благопріятнымъ днемъ для засѣва *баштановъ* (бакчей) дынями, кауна́ми (арбузами), огурцами. Сродство этихъ растеній, составляющихъ особое семейство (*гарбузовыхъ* или *тыквенныхъ*, cucurbitaceae), давно означено въ Украинской пѣснѣ:

«Хо́дить Гарбузъ по горо́ду,
Пытается свого роду:
Ой чи живы, чи здоровы
Всѣ родичи гарбузовы?
Обо́зветься жовта дыня:
Ось, я, твоя господиня!
Обо́звуться огуро́чкы:
Ось, мы, твои сыны, дочкы!»

Въ *середу на шестой* недѣлѣ по Пасхѣ наша Церковь кончаетъ Свѣтлый праздникъ, а въ четверкъ празднуется уже святое *Вознесеніе*, называемое по Западнославянски *Вшестьемъ*. Во многихъ мѣстахъ Украины, по недоразумѣнію, простолюдье различаетъ эти слова, и *Вшестьемъ* называетъ середу передъ *Вознесеньемъ*; но въ опроверженье этого есть Украинская же пословица: «Не прійдеться въ середу Вшестье!»

Въ Сѣверской сторонѣ, надъ Десною, въ день Вознесенія пекутъ *млинцы*, т. е. блины, тамъ называемые на этотъ день «божими онучами». Тамъ же и въ середу на *пятой* недѣлѣ (на отданіе праздника Преполовенія) пекутся блины: и это называется тамъ въ простолюдьи: «подсаживать бога на небо!»

Вознесенскіе блины Сѣверянъ припоминаютъ намъ, какъ нѣкогда царь Давидъ, совершивъ радостное перенесеніе Кивота Господня въ Ерусалимъ и, «возпеся всесожженія и мирная, раздѣли всѣмъ людемъ коемуждо по укруху хлѣба, и по части печенаго мяса, и по *сковрадному млину*» (2 Царствъ VI. 19).

На Украинѣ *млинцы* не составляютъ собою никакой обрядной яствы, ни поминальной, ни масленичной. Въ поминовеніе усопшихъ на Украинѣ пекутся обыкновенно *книши*, а масленая отбывается собственно *варениками*, почему, по первомъ великопостномъ понедѣльникѣ, говорится: «Вареники доведуть, що и хлѣба не дадуть!» Во многихъ мѣстахъ по степямъ, въ поминальныя суботы приносятъ на

Digitized by Google

панихиду книши, пироги и опеченую курицу, съ пляшкою медовой сыты. Но блины составляютъ на Украинѣ одно изъ обыкновенныхъ печеньевъ, заурядъ съ прочими; и только въ одинъ день они должны быть непремѣнно, вмѣстѣ со всѣми прочими: это *на Меланки*, когда бываетъ *щедрый вечеръ*, и когда, какъ говоритъ пословица: «Живый живе гадае».

Всѣ *четверки*, отъ Чистаго (Великаго) и до Вознесенскаго, на Украинѣ почитаются неблагопріятными днями какъ для выѣзда въ великую дорогу, такъ и для начатія какого-нибудь значительнаго дѣла, а также въ эти четверки считается непозволительнымъ дѣломъ *золить* бѣлье. Но и въ каждый *четверкъ* въ году не должно, говорятъ, во первыхъ, трусить *сажи* въ печахъ, чтобы она не загоралась; во вторыхъ, ни сновать пряжи на сновницахъ, ни накидать новой основы на ткацкій станъ, чтобы не *сновала* черезъ дворъ тотъ *скажéная* (бѣшеная) собака, о которой ведется повѣрье, что она *сновидяетъ* (слоняется) по селу только до *девяти* дворовъ такихъ, гдѣ по четверкамъ снуютъ, либо накидаютъ на станъ основу. Еще замѣтны *четверки* на исходъ каждаго мѣсяца. Знахарки почитаютъ ихъ самими благопріятными днями для выливанія *переполóху*, т. е. такой болѣзни, которая, по ихъ понятію, происходитъ отъ *Лукаваго*, когда онъ, при какомъ-нибудь испугѣ, входитъ въ человѣка подъ самое сердце, и пускаетъ по его жиламъ свои парусы... (Родимецъ у дѣтей и *Супротивникъ* у взрослыхъ, говорятъ, тоже происходитъ отъ *Лукаваго* (*), который хоть разъ въ жизни каждаго человѣка нападаетъ на него, если не *на рóдивъ*, то *на смертѝ*). А выливается переполохъ, какъ извѣстно, надъ головою больнаго, на растопленное олово, смолу, воскъ, съ разными при томъ заговорами. Кромѣ того у больнаго, въ исходный четверкъ, срѣзываютъ немного ногтей и волосъ и заколачиваютъ ихъ колочкомъ изъ *клéчанья*—въ одвéрокъ (дверной косякъ), если больной уже не молодъ; или въ сырой дубъ, если больной еще ростетъ. Не лишнимъ считаю здѣсь припомнить, что *четверкъ* въ языческой Славянщинѣ считался и даже назывался *Перуновымъ днемъ*, какъ у Римлянъ днемъ Юпитера (dies Jovis), по ближайшему сродству нашего Громовержца съ Греко-Римскимъ.

(*) Не будетъ ли это миѳическій *Родъ*, поминаемый вмѣстѣ съ *Рожаницами*?

Digitized by Google

На *седьмой* недѣлѣ по Пасхѣ, называемой «Недѣлею Святыхъ Отецъ», у Сѣверной Руси празднуется *четверкъ*, называемый *Семикомъ*. Тамъ этимъ днемъ начинаются Зеленые святки; но здѣсь, на Украинѣ, Семикъ неизвѣстенъ, и Семицкій четверкъ проходитъ какъ будничній день, ничѣмъ особеннымъ не замѣтный. Изо всѣхъ дней седьмой недѣли на Украинѣ замѣчательна только *Субота*, называемая *Клечáльною*. Она замѣчательна, во первыхъ, по вселенской панихидѣ, отправляемой за всѣхъ, постигнутыхъ *напрасною смертію*; во вторыхъ замѣчательна она тѣмъ, по чему и зовется *Клечáльною Суботою*: постановкою *клéчанья*, т. е. небольшихъ *березовыхъ* деревъ и вѣтвей, которыми селяне и горожане, подъ конецъ этого дня, украшаютъ церкви и колокольни, домы и дворы. Вмѣстѣ съ *клéчаньемъ* (которое по Сѣверски зовется еще *Мáемъ*) помосты церквей и домовъ усыпаются изобильно *травою*, а образá, столы, окна, сволокá и все, что только удобно, убирается *цвѣтами*. Такъ, въ заключеніе *весны*, главныя произведенія трехъ мѣсяцевъ ея, *Бéрезня*, *Квѣтня* и *Травня*, соединяются въ одно праздничное приношеніе— къ святому *пятидесятому* дню, который называется *Духовымъ днемъ*, въ память сошествія Святаго Духа на Апостоловъ, въ видѣ *огненныхъ языковъ*, и который знаменованъ въ Церкви нашей необычайнымъ служеніемъ Вечерни вслѣдъ за Литургіей.

На восьмой недѣлѣ по Пасхѣ, называемой «Недѣлею пятидесятницы», а также *Троицкою* и *Зеленою*, — хотя она по Пасхаліи приходится розно, — (и въ послѣднюю треть Мая, и въ первую треть Іюня), по народному понятію сходится конецъ весны съ началомъ лѣта; лѣто встрѣчается, весна провожается. Съ этой точки зрѣнія мы будемъ смотрѣть и на разные народные обычаи, которыми сопровождаются Зеленые Святки. Что весна, по народно-Украинскому понятію, продолжается собственно до *Святаго Духа* (*), то видно изъ того уже, что дѣвическія *Веснянки* (игорныя и пѣсенныя) прекращаются почти вездѣ на *Седьмой* недѣлѣ. Въ послѣдній день ея (т. е. въ клечáльную суботу), представительница *весны*,—

(*) Украинская пословица «До Святаго Духа не кидай кожуха» согласуется съ тѣмъ же понятіемъ, что до этого дня продолжается еще *весна*, и поводомъ къ пословицѣ могъ быть безвременный морозъ, какой замѣченъ и въ такъ названной, «Черниговской лѣтописи». Въ ней записано, что *1619* года «снѣгъ на Вознесеніе Господне выпалъ съ морозомъ, же въ полю, отъ великости снѣгу и зимна, овечки померзли.»

Digitized by Google

видно и по Великороссійскимъ народнымъ обычаямъ въ Семикъ и на Троицу; если жъ идетъ на клѣчанье и другое дерево, особливо кленъ и липа, то это дѣлается или для большей роскоши, особенно при украшеніи церквей, или по недостатку въ березѣ.

Но тутъ надо особо замѣтить о клѣчаньѣ изъ *осины*, называемой по Украински *осыкою*: оно ставится на воротахъ и на всѣхъ углахъ *загороды* (т. е. скотнаго двора), въ охраненіе коровъ и телятъ отъ вѣдьмы; ибо это дерево, по народному повѣрью, имѣетъ особенную силу противодѣйствовать всякой нечистой силѣ. Потому и знахарское употребленіе осины разнообразно, особливо той, которая стояла въ клѣчаньи. Такъ и между пахучими травами и цвѣтами, которыми дома убираются наканунѣ Духова дня, является на окнахъ и порогахъ *полынь*—отъ Русалокъ, выходящихъ въ эту ночь изъ своихъ водъ на сушу, и *крапива*—отъ вѣдемъ, которыя въ эту ночь особенно промыслительны, и рискаютъ по дворамъ. Предусмотрительныя хозяйки въ клечальную суботу вынимаютъ изъ терницъ деревянные *мечики*, которыми трутъ конопли; ибо вѣдьмы любятъ красть ихъ въ эту ночь, чтобы послѣ рубиться ими, когда, слетясь на Лысую-гору, онѣ начнутъ тамъ свои потѣхи. Улетая туда, онѣ затыкаютъ себѣ за поясъ, вмѣсто сабель, украденные мечики; а тамъ, когда, между прочимъ, начнутъ и свою междоусобную баталію, тогда, бьючись въ ладъ тѣми мечиками, онѣ все приговариваютъ: «Що втну, не перетну!» и отъ того онѣ остаются непораненными! Хозяева Украинскіе въ клечальную суботу выѣзжаютъ въ поле, чтобы дѣлать послѣдній сѣвъ конопли, и уже собственно на сѣмя, не на пряжу; а кто не успѣетъ въ этотъ день, тотъ досѣваетъ въ два послѣдніе дня Зеленой недѣли, хотя впрочемъ всѣ полевыя работы у старыхъ Украинцевъ отмѣнялись на всю эту недѣлю. Равно и женки въ дворахъ не ткутъ и не прядутъ во всѣ дни *Зеленыхъ Святокъ*, называемыхъ на Украинѣ и *Святою недѣлею*, въ отличіе отъ *Свѣтлой, Великодной*. Во всей Малороссіи *Троицею* называется второй день Зеленой недѣли, т. е. *понедѣльникъ*, съ котораго собственно и начинаются народныя забавы, послѣ церковныхъ молитвъ на *Святаго Духа*, (т. е. въ Воскресенье).

Въ Сѣверской сторонѣ ведется почти позабытое на Украинѣ завиванье Троицкихъ *вѣнковъ* на березахъ, или же плетенье вѣнковъ

Digitized by Google

на головы изъ березовыхъ вѣтокъ, перевитыхъ цвѣтами. Тамъ, надъ Десною, эта Троицкая забава называется *кумованьемъ*, и сопровождается разными пѣснями и закусками, въ числѣ которыхъ *яичница* составляетъ, можно сказать, обрядную яству. На берегахъ Десны записана Троицкая пѣсня, напечатанная въ моемъ изданіи Малороссійскихъ пѣсенъ 1827 года:

«Ой завью вѣнкы да на всѣ святкы,
Ой на всѣ святкы, на всѣ праздничкы!» и т. п.

Помню и другую Троицкую пѣсенку:

«Передъ нашими воротами
Вились, завивáлись,
Два голубчикы, два сизéнькіи;
А я въ лугъ пóйду, я вѣнокъ завью!»

За каждымъ стихомъ припѣвается: *Ой Лели Лado!*»

Будучи ученикомъ Новгородсѣверской гимназіи съ 1812-го года, я не разъ видѣлъ, какъ тамъ *кумились* въ знаменитомъ Троицкомъ саду и въ Полковницкомъ Гаю; но не припомню, было ли тамъ цѣлованье сквозь березовые вѣнки, и такъ называемое «крещеніе кукушки» (подъ видомъ травы «кукушкины слезы»), какія ведутся въ Среднерусской сторонѣ, гдѣ и Троицкая березка зовется *кумою*. Въ Сѣверской сторонѣ завивались вѣнки и дѣвчатами, преимущественно въ Троицкій понедѣльникъ, и молодицами—во вторникъ; а въ иныхъ селахъ, вмѣсто того, только носили по улицамъ срубленую березу съ разными пѣснями.—«Что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай,» говоритъ Русская пословица. Такъ и здѣсь, на Украинѣ, на примѣръ у насъ, на *Побережьи*, въ Прохоровкѣ и другихъ селахъ, уже вывелись почти всѣ Троицкіе обычаи; въ нѣкоторыхъ селахъ на Супоѣ, независимо отъ игорнаго *дуба* (о которомъ сказано будетъ ниже), дѣвчата послѣ обѣда наряжаютъ какъ-нибудь особенно двухъ красивѣйшихъ подружекъ своихъ, и вслѣдъ за ними идутъ по селу и на степь съ пѣснями. Въ другихъ мѣстахъ Украины, по свидѣтельству Костомарова (см. его книгу: «Объ историческомъ значеніи Русской народной поэзіи». Харьковъ. 1842 г., стр. 53), дѣвчата, выбравъ одну изъ подругъ, подвязываютъ ей руки вверхъ къ палкѣ, и подъ именемъ *тополи* ведутъ ее черезъ слободу и поле, припѣвaючи:

Digitized by Google

«Стояла тополя, крáй чистого поля:
Стóй, топóленько, не розвивайсь,
Буйному вѣтроньку не пóддавайсь!»

Троицкіе вѣнки, въ которые завивается береза, знаменуютъ собою обращеніе или переходъ весны въ лѣто. *Вѣнокъ* есть принадлежность *лѣта*: сперва этотъ Троицкій вѣнокъ изъ березы, потомъ купальскій вѣнокъ изъ цвѣтовъ, наконецъ жатвенный вѣнокъ изъ жита или изъ озимой пшеницы. (Подобно тому и *барвінковый*, либо *рутвяный* вѣнокъ, который плетется для невѣсты, передъ брачнымъ вѣнцемъ церковнымъ, завершаетъ собою дѣвичество ея, весну ея жизни).

На Украинѣ, какъ я сказалъ, почти позабыты Троицкіе вѣнки изъ *березы*, завиваемые дѣвчатами и молодицами въ Сѣверской сторонѣ Малороссіи и на Руси Сѣверной. Въ замѣнъ того Украинскіе *парубки* заботятся объ устроеніи игорнаго *дуба*: такъ называется длинная жердь, съ прикрѣпленнымъ на верху колесомъ, которая вся убирается въ траву и въ цвѣты. Хозяйки, зная предстоящее опустошеніе огородовъ своихъ, стерегутъ ихъ во всю седьмую недѣлю; но въ томъ и молодечество, чтобы накрасть цвѣтовъ тамъ, гдѣ стерегутъ ихъ; къ тому же сами дѣвчата помогаютъ парубкамъ украшать *квѣтками* и *стрóчками* (лентами) приманчивое колесо, подъ которымъ въ первые дни (а кое-гдѣ и во всѣ дни) Зеленой недѣли будетъ ихъ общее вечернее гульбище. Игорный *дубъ* ставится въ клечáльную суботу, (а кое-гдѣ вечеромъ на Троицу) обыкновенно на выгонѣ, либо на уличной площади; вокругъ него обкапывается небольшой ровчикъ; а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ставится вокругъ и березовое клѣчанье. Въ иныхъ мѣстахъ, на примѣръ, въ селѣ Рогозовѣ (между Кіевомъ и Переяславомъ), эта жердь съ колесомъ называется *Сухимъ дубомъ*; и къ нему, убираемому въ зелень и цвѣты, припѣваютъ:

«Розвивайся, сухій дубе,
Бо на тебе морозъ буде!
—Я морозу не боюся,
Прійде весна—розóвьюся!»

Этотъ сухой дубъ, наряженный въ зелень и цвѣты, среди березоваго клечанья, — (иногда вѣющій цѣлымъ кругомъ разноцвѣтныхъ лентъ, вмѣсто колеса), — не означаетъ ли собою лѣта, возродившагося на послѣдяхъ весны?

Digitized by Google

По народно-поэтической символикѣ, дубъ относительно березы, что сынъ относительно матери:

«Ой, дубъ до березы
Гôльемъ похилився;
Козакъ своéй матýсеньцѣ
До нôгъ уклонився.»

А самъ по себѣ *дубъ* — символъ мужества и крѣпости, любимое подобіе неженатаго козака:

«Чомъ дубъ не зеленый?
—Бо туча прибила;
Козакъ не веселый?
—Бо лихà година.»

Или въ другой пѣснѣ:

«Да зеленый дубъ, да зеленый дубъ,
Да безъ сонця завьявъ;
Да молодѐнькому да козàченьку
Да Богъ доли не давъ...»

А дѣвица-невѣста въ Украинскихъ пѣсняхъ нерѣдко уподобляется *дубровѣ*:

Зеленая дубрôвонько,
Чомъ не говоришъ, да все кýришся?
Молодая дѣвчúнонько,
Чого плачешъ, да все журишся?»

Такъ и на Дѣвичь-вечерѣ дружки поютъ невѣстѣ—сиротѣ:

«Зеленая да дубрôвонько,
Да чого въ тебе да пенькôвъ много,
А парóсточка да ни óдного?
Що нѣкому зашумѣти,
Дубрôвонькы звеселити?
Молодая да Марýсенько,
Чого въ тебе да батькôвъ много,
А рôдного да ни óдного,
И порàдонькы ни одъ óдного?»

Дубъ въ языческой Славянщинѣ, какъ извѣстно, былъ деревомъ, у котораго совершались жертвоприношенія богамъ; особенно же по-

Digitized by Google

священался онъ верховному богу, Перуну, какъ и у Римлянъ Юпитеру. Прямымъ указаніемъ на это, кромѣ свидѣтельствъ о Славянинѣ Западной, можетъ служить урочище *Перуновъ дубъ* въ Червоной Руси, упоминаемое въ грамотѣ 1302 года («И отъ Перунова Дуба до Бѣлыхъ Береговъ, а отъ Бѣлыхъ Береговъ до Кольменскихъ потоковъ»). Подъ самымъ Кіевомъ былъ *Добрый Дубъ*, имя котораго оставалось на урочищѣ, помянутомъ въ Кіевской лѣтописи подъ 1169 годомъ. Моленье у дуба продолжалось кое-гдѣ на Руси и въ христіанскія времена, можетъ быть уже съ мыслію о дубѣ Мамврійскомъ. Оно было даже въ прошломъ столѣтіи, какъ видно изъ первой части Духовнаго Регламента, гдѣ сказано: «тако жъ на иномъ мѣстѣ попы съ народомъ молебствуютъ предъ дубомъ, и вѣтви онаго дуба попъ народу раздастъ на благословеніе.»

Но здѣсь намъ ближе къ дѣлу припомнить древнее сказанье Константина Багрянороднаго о томъ *Великомъ дубѣ* на Днѣпровскомъ (Георгіевскомъ) острову, у котораго нѣкогда наша Кіевская Русь, переправясь черезъ Днѣпровскіе пороги, приносила въ жертву богамъ живыхъ птицъ, хлѣбы, мясо и прочее, сдѣлавъ *кругъ* стрѣлами; а потомъ метала жеребьи и гадала—рѣзать ли тѣхъ птицъ, или выпускать на волю? Напоминаніемъ этого Днѣпровскаго дуба остался на Украинѣ игорный дубъ, на зеленыхъ святкахъ, и гульбицы въ устроенномъ около него *кругу*. Такъ всѣ первоначальные обряды и обычаи, теряя свой прежній смыслъ, обращались въ простую игру жизни, не имѣющую теперь въ народѣ никакого уже смысла, кромѣ увеселительнаго, и то нерѣдко запретнаго.

Игорный *Сухій дубъ* не относился ли прежде собственно къ Троицкому *Четверку*, который на Украинѣ зовется *Сухимъ Четверкомъ*, и въ который полагается *Русальчинъ Великдень*? Говорятъ въ народѣ, что этотъ Четверкъ такой день, въ который не должно ни дерева рубить, ни травы косить, ни зелья рвать, ни даже грядокъ полоть, дабы не поворошить и корня огородной зелени; ибо каждая трава и дерево, тронутыя въ этотъ день, *усыхаютъ*. Говорятъ также, что и Русалки, въ этотъ свой Великдень, *просушиваются*. Вслѣдствіе такого стародавняго понятія о Сухомъ Четверкѣ, ведется на Украинѣ обычай этого дня—выкидать изъ коморъ и скрынь все платье и бѣлье на воздухъ для просухи.

Пріурочивая игорный *Сухій дубъ* къ *Сухому Четверку*, и вспоминая объ *огнѣ*, горѣвшемъ нѣкогда передъ Перуномъ, и объ томъ Запад-

Digitized by Google

нославянскомъ обрядѣ, понынѣ оставшемся у Хорутанскихъ дѣвча́тъ, что онѣ въ Троицкій четверкъ, равно какъ и въ Чистый, разводятъ на полѣ или въ дубровѣ огонь, величаемый въ ихъ припѣвахъ *Святымъ огнемъ*, я полагаю, что отъ обрядныхъ игръ Сухаго Четверка осталась на Украинѣ дѣвическая игра, называемая *Горю-дубомъ* или *Горю-пнемъ*, — въ родѣ Великороссійскихъ *горѣлокъ*.

Дѣвушка, ставшая *горѣть*, говоритъ: «Горю, горю-дубъ!» (или: «Горю, горю-пень!»). Одна изъ двухъ, противъ нея ставшихъ, спрашиваетъ: «Чого жъ ты горишъ?»—«Краснои панны!»—«Якои?»—«Тебе молодои!»—Тогда говоритъ красная панна: «Печу, печу ла́стовку!» — А горящая спрашиваетъ: «Чи спечешъ?» — «Спечу!»—«Втечешъ?»—«Втечу!»—и тѣ двѣ бѣгутъ, а горѣвшая ловитъ.

Въ этой игрѣ горѣніе дуба могло быть обряднымъ огнемъ въ честь наступающаго *лѣта*, а печеніе ласточки, этой доброй вѣстницы весны, потопляемой народнымъ повѣрьемъ въ глубинахъ водныхъ на цѣлые полгода, могло быть обряднымъ знакомъ прощанья съ *весною*. Принадлежность ласточки къ *веснѣ* выражается многими относящимися къ ней подробностями, даже тою, что кто выдираетъ ласточьи гнѣзда и яицы, на лице тому нападутъ *веснушки*.

Между тѣмъ въ Украинскихъ Веснянкахъ встрѣчаемъ совсѣмъ другое гашеніе дубравнаго огня—водою:

«Горѣла дуброва, горѣла,
Я жъ молода гасила,
Кубочкомъ воду носила:
Ско́лько въ кубочку водицы,
Сто́лько въ дѣвочкахъ правдицы.» и т. д.

Это гашеніе дубравнаго огня водою не было ли обряднымъ знакомъ наступленія весны, знаменующей себя растворе́ніемъ и потомъ разливомъ воднымъ?.. Тутъ мнѣ припоминается народная сказка, еще въ юности слышанная мною въ Сѣверской сторонѣ, какъ вода, въ спорѣ съ огнемъ, заливала его собою, и какъ огонь укрылся отъ воды въ *кремнѣ*, изъ котораго потомъ и стали его *кресать* люди.

Изъ Московскаго Стоглава видно, что и на Руси еще въ XVI-мъ вѣкѣ было паленіе огня въ Чистый Четверкъ («а въ Великій Четвертокъ порану солому па́лятъ и кличютъ мертвыхъ»). Вѣроятно, оно было и на Украинѣ, но уже давно прекратилось и замѣнилось свя-

Digitized by Google

режно несутъ въ ночи изъ церкви до своей *господы* (дома), чтобы напалить имъ крестъ на сволокѣ. Есть Веснянка, начинающаяся такъ:

«На бѣлой недѣлѣ
Пожари горѣли;
Погорѣли щири боры
Зъ вишеньками.»

На *Бѣлой* недѣлѣ, т. е. на Страстной; тутъ есть намекъ. Впрочемъ, я не скажу, чтобы это относилось именно къ обрядному дубравному огню Четверковому, которымъ и на Украинѣ, конечно, завѣдывали нѣкогда дѣвчата. Весьма можетъ быть, что въ Веснянкѣ рѣчь о тѣхъ пожарахъ, какіе иногда бываютъ весною отъ нарочнаго выжиганія въ лѣсахъ стараго листу и сушняку, иногда же отъ покидаемыхъ пастухами и проѣзжимъ людомъ огнищъ, на которыхъ потомъ растутъ очень вкусные грибы, называемые *пожарками*. Съ такимъ пожаромъ сравнивается въ Веснянкахъ невѣрный парубокъ.

«Ты не пожаръ, ты не пожаръ,
А я не былина—
Не зводь мене изъ розума,
Бо я сиротина.»

Зелная недѣля на Украинѣ зовется еще *Русальною*, по народному повѣрью, что въ ночь противъ Духова дня *Русалки* выходятъ на сушу изъ своихъ рѣкъ, озеръ и криницъ, и въ продолженіе всей этой недѣли гуляютъ по лѣсамъ и полямъ. Названіе *Русальной недѣли* у нашей Кіевской Руси ведется издревле, и въ XII-мъ вѣкѣ оно было здѣсь общеупотребительнымъ, какъ это можно видѣть изъ трехъ мѣстъ Кіевской лѣтописи (подъ 1174, 1177, 1195 годами).

Сообразно съ понятіемъ Украинскаго народа о Русалкахъ, которое старался я узнать изъ многоразличныхъ разсказовъ, надобно различать *три* вида и поколѣнья Русалокъ.

Во первыхъ—первобытныя, коренныя, Русалки, представляемыя въ видѣ взрослыхъ блѣднолицыхъ дѣвчатъ, съ *русыми* длинными, распущенными волосами. Родина ихъ—главное мѣстопребываніе—*Днѣпръ*; Отсюда онѣ расходятся по другимъ рѣкамъ, озерамъ и самороднымъ

Digitized by Google

криницамъ, и тамъ пріумножаютъ свой родъ изъ рода людскаго— умершими безъ крещенья дѣтьми, и утопленицами. Дѣвчата, кинувшіяся въ воду съ какого-либо горя, подхватывались Русалками и обращались въ нихъ, и только тѣмъ отличаются, что у нихъ *зеленые* волосы. Что касается до умершихъ безъ крещенья дѣтей, то Русалки любятъ красть ихъ изъ земли и уносить ихъ въ свои воды; онѣ крадутъ ихъ даже изъ-подъ *порога*, гдѣ полагается самое надежное имъ убѣжище отъ всякой нечеловѣческой силы, какъ по собственному свойству *порога*, такъ и по дѣйствію *переступанія*, которое и новорожденныхъ животныхъ предохраняетъ отъ нечистой силы. До семи лѣтъ, говорятъ, есть надежда спасти душу дѣтей, украденныхъ Русалками, — особливо ежегодными панихидами въ первый понедѣльникъ Петровки. Но если въ семь лѣтъ они не будутъ искуплены молитвами, тогда уже навсегда остаются въ Русалкахъ. Эта порода Русалокъ представляется въ видѣ дѣвочекъ *семилѣтокъ*, съ русыми кудрявыми волосами, въ бѣлой сорочкѣ, безъ пояса. Въ разныхъ мѣстахъ Южной Руси онѣ зовутся *Мавками* (т. е. *навками*, мертвушками); но здѣсь, на Украинѣ, это названье неизвѣстно. Рожденныя на землѣ Русалочки, выходя изъ воды на всю Зеленую недѣлю, радостно бѣгаютъ по полямъ, особенно по житамъ, трепля въ ладони и приговаривая:

«Ухъ, ухъ, соломяный духъ!
Мене мати породила,
Нехрещену положила!»

А тѣ изъ нихъ, которыя своими невѣнчанными матерями были потоплены въ водѣ, тѣ любятъ болѣе сидѣть и колыхаться на березахъ, приговаривая:

«Новыи бильця,
Нове барыльце:
Мене мати не колыхала,
Да въ воду пускала!»

Тѣже приговорки у Русалочекъ, когда онѣ купаются, или когда онѣ щекочутъ досмерти попавшихся имъ дѣвчатъ и молодицъ, которыхъ онѣ вообще не любятъ, не смотря, что тѣ для нихъ такъ усердно ломятъ и кладутъ на окнахъ горячій хлѣбъ, дабы онѣ попитались его паромъ; что тѣ для нихъ (въ Сѣверской сторонѣ) вѣшаютъ на де-

Google

ревьяхъ и намѣтки и полотенца на сорочки, и пряжу дѣвчата вѣшаютъ имъ на березахъ, еще и вѣнки. *Лоскотъ* (т. е. щекотка) есть единственный способъ, которымъ всѣ Русалки, большія и малыя, наносятъ смерть человѣку; и для того онѣ пристаютъ къ людямъ подъ разными предлогами;

«Ой бѣжить, бѣжить мила дѣвчинка,
А за нею да Русалочка.
Ты послухай мене, красна панночко!
Загадаю тобѣ три загадочкы;
Якъ угадаешъ, до батька пущу;
Коли жъ не вгадаешъ, до себе вóзьму.
«Ой, що росте безъ кореня,
А що бѣжить безъ повода,
А що цвѣте да безъ цвѣту?
Камѣнь росте безъ кореня,
Вода бѣжить безъ повода,
Папороть цвѣте безъ цвѣту!
Дѣвчинка загадочкы не вгадала,
Русалочка дѣвчинку залоскотала.»

Въ моемъ изданіи «Малороссійскихъ пѣсень» 1827 г. (стр. 219) замѣчено, что эта Русалкина загадка о *камнѣ* напоминаетъ Линнеевскій признакъ минераловъ «lapides crescunt», а цвѣтеніе *папорти безъ цвѣту* напоминаетъ принадлежность папоротниковъ къ растеніямъ *Тайноцвѣтнымъ* (или Тайнобрачнымъ, cryptogamae). Маркевичь, въ своихъ «Украинскихъ Мелодіяхъ», 1831 г. (стр. 146), говоритъ, что эту пѣсню «поютъ хоромъ; одна дѣвушка играетъ роль панночки, другія роль Русалокъ».

На Украинскихъ степяхъ дѣвчата уже съ перваго дня Зеленой недѣли выходятъ изъ своего села или хутора не иначе, какъ имѣя при себѣ траву *полынь*, на тотъ случай, что можетъ выбѣжать Русалка изъ-за степной могилы, или изъ озерной долины, и станетъ спрашивать: «А що мати варила?» и тогда надо отвѣчать: «Борщъ да полынь!» и надо при этомъ показать ей полынь. Подобно тому, если итти купаться на Зеленыхъ Святкахъ (разумѣется, только не въ Сухій Четверкъ), то надо сперва бросить въ воду нелюбимую Русалками траву, говоря: «Отъ вамъ полынь!» и будетъ изъ воды сказано: «Сама ты изгынь!» и можно тогда купаться безбоязненно.

Digitized by Google

А если кинуть мяту, говоря: «Отъ вамъ мята!» тогда будетъ въ отвѣтъ: «Ты жъ наша мати!» или: «Тутъ тобѣ и хата!» А если сказать: «Отъ вамъ петрушка!» и бросить ее въ воду, тогда Русалки вскликнутъ: «Ты жъ наша душка!» и начнутъ щекотать. Русалки болѣе всякаго зелья любятъ *петрушку*; и по этой примѣтѣ, я полагаю, что извѣстная игра въ *дрóбушки* есть представленіе Русалокъ, которыя вообще очень любятъ плясать и кружиться; и для того, въ продолженіе всей Петровки, выходятъ онѣ изъ воды на берегъ по ночамъ, и особенно при свѣтѣ мѣсяца. Игра въ *дрóбушки* или въ *дрóба* состоитъ въ томъ, что двѣ дѣвушки, ставъ другъ къ другу лицемъ, схватываются протянутыми впередъ руками, и, состушясь ногами близко, вертятся скоро, приговаривая нараспѣвъ:

«Дрóбъ, дрóбъ, соли дрóбъ;
На камени бочка.
Петрова дочка
Не работничка.
Выгнала бычка
За ворóтечка.
Пасись, пасись, бычку,
Покы спряду мычку!
Бычокъ не пасеться,
Мычка не прядеться.
Ставъ бычокъ пáстись,
Стала мычка прястись.»

Потомъ онѣ вѣртятся скоро въ другую сторону, чтобы *развертѣться*, приговаривая:

«Дробу, дробу, дробушечкы;
Наѣвшися петрушечкы;
Гиля, гиля до воды,
Наѣвшися лободы!»

Говорятъ, что Русалки иногда успѣваютъ заманить къ себѣ на берегъ овчаря съ сопѣлкою и заставляютъ его играть себѣ всю ночь; и тамъ, гдѣ онъ притопывалъ имъ ногою въ ладъ, остается ямка въ землѣ и даже на камнѣ, если онъ сидитъ на немъ, играючи на сопѣлкѣ; а тамъ на землѣ, гдѣ плясали и кружились Русалки, еще

Digitized by Google

«Русалочкы, земляночкы,
На дубъ лѣзли, коры грызли,
Звалилися, забилися.»

Ясно, что здѣсь идетъ рѣчь о Русалочкахъ *мавкахъ*, рожденныхъ на землѣ на сухомъ дубѣ, который весьма могъ и къ нимъ относиться.

Въ Украинскихъ сказкахъ (*) не рѣдко бываютъ дѣйствующими лицами наши Нимфы, какъ называли *Русалокъ* многіе наши писатели, справедливо примѣняя къ нимъ древнее сказаніе Прокопія о почитаніи Славянами *Нимфъ*. Между сказанными Русалками являются и крылатыя дѣвы, большія и крохотныя; но объ этихъ и о другихъ миѳическихъ дѣвахъ—рѣчь впереди.

А здѣсь я приведу нѣкоторыя подробности изъ Украинской сказки о *Котигорошкѣ*. Бездѣтная жонка шла по воду; увидѣла, что по дорогѣ котится *горошина*, поймала ее и съѣла; и отъ горошины родился у нея сынъ, прозванный *Котигорошкомъ*. При помощи своего вѣщаго воронаго коня, этотъ герой совершилъ разныя чудныя похожденія, изъ которыхъ особенно замѣчательно то, что онъ, поставивъ на морскомъ берегу всякаго *рáму* (мелкаго товару), въ томъ числѣ и *зеленые черевички*, выманилъ ими изъ моря *Морскую Пани* несказанной красоты; а при посредствѣ *зеленаго вина*, тамъ же поставленнаго, которымъ упилась Морская Пани, Котигорошко успѣлъ

(*) На примѣръ, въ сказкѣ про старика *Лукомира;* и въ сказкѣ о трехъ побратимахъ, *Вырвидубѣ, Верхигорѣ и Пашкѣ Медвѣжомъ Ушкѣ*, зачатомъ отъ медвѣдя. Въ этой второй сказкѣ говорится объ одной изъ первобытныхъ кореннныхъ *Русалокъ*, находящейся на томъ особенномъ свѣтѣ, на которомъ тоже, какъ и у насъ, и солнце свѣтитъ, и дождь идетъ, и трава зеленѣетъ, и ростетъ верба густыми тернами, но съ котораго только птица *гриф* перелетаетъ къ намъ черезъ широкое море; дѣдокъ *Корха* лазилъ оттуда кратчайшимъ путемъ, черезъ нору сквозь землю! А этотъ дѣдъ «самъ зъ кóрха, семи сажень борода, съ семи козъ калита, костуромъ подпирается, чмелёвымъ перомъ подкидается». На томъ-то свѣтѣ Русалка стерегла свой заповѣдный *степокъ*; и за то, что дѣдъ съ бабою, на томъ свѣтѣ жившіе, попасли на томъ степку своихъ овечекъ, Русалка вынула ихъ очи, и носила ихъ у себя въ платочку за моясомъ!

Digitized by Google

поймать ее, и привезъ къ себѣ въ домъ. Въ угоду ей, онъ долженъ былъ сперва достать со дна моря стоявшую тамъ на камени *скрыню* ея, полную жемчуговъ и кораловъ (а помогалъ ему въ этомъ морской ракъ, но не тотъ, что великъ, какъ хата, а «раченя, такé малé, якъ стоноженя»); потомъ онъ долженъ былъ пригнать изъ-за моря двѣнадцать кобылицъ и жеребца, принадлежавшихъ Морской Пани. Наконецъ онъ долженъ былъ итти за три-девять земель, туда, гдѣ солнце ночуетъ, и узнать: отъ чего оно прежде всходило *червоно*, а теперь стало всходить *бѣло*? И когда Котигорошко пришелъ до *господы* (дома), гдѣ солнце ночуетъ, и гдѣ все было изъ чистаго золота, то засталъ тамъ одну *Солнцеву-мати*; и когда пересказалъ онъ ей, зачѣмъ пришелъ и что́ видѣлъ въ дорогѣ, тогда Солнцева-Мати ему сказала: «Подлѣзь же ты подъ *Золотое корыто*, и слушай»! И когда *Солнце-Царь*, обойдя все небо, вернулся на ночь до своей господы, тогда Солнцева-Мати, говоря съ нимъ обо всемъ, спросила наконецъ: «Отъ чего ты, сыне мой, всходилъ прежде *червоно*, а теперь сталъ всходить *бѣло*?»—«Отъ того, мати моя, что прежде, при восходѣ моемъ, встрѣчалъ я въ морѣ прекрасную Морскую-Пани, и увидавъ ее—*почервонѣю*; а теперь уже не вижу ее въ морѣ, и отъ того я всхожу теперь *бѣло*.»

Все содержаніе этой сказки пересказано и передѣлано въ нѣсколькихъ другихъ, на примѣръ въ Сказкѣ о *Трёмсынѣ*, рожденномъ отъ щучьяго пера, какъ онъ, при помощи своего коня, рожденнаго отъ луски той же щуки, съѣденной царскою кобылицею, досталъ, въ угоду своему Бѣлозерскому царю, *прекрасную Настасію*, которая, плавая на лодьѣ по морю, плескала водою на влюбленное въ нея *Солнце*, и прочая. Но въ помянутой сказкѣ о Котигорошкѣ все ея содержаніе уцѣлѣло гораздо ближе къ первоначальной своей чистотѣ.

Въ этой сказкѣ сохранилась изъ Южнорусской миѳологіи *Солнцева-Мати*, въ полномъ смыслѣ «Золотая Пани»: это наша Латона, которая у Чеха Вацерада, современнаго Нестору, переводится именемъ Славянской богини *Лѣтницы*. Сохранился и *Солнце-Царь*» (такъ именно онъ названъ въ сказкѣ), который у Кіевской Руси былъ обожаемъ подъ именемъ *Дажьбога*, какъ это съ 1843 года стало извѣстно всѣмъ изъ печатнаго изданія Кіевской Лѣтописи. По сказкѣ, Солнце-Царь былъ влюбленъ въ Морскую Пани, и краснѣлъ при встрѣчѣ съ нею. Эта *Морская Пани* была несказан-

Digitized by Google

ной красоты, и вышла на землю изъ моря, подобно вышедшей изъ океана Индійской богинѣ красоты и любви, *Лакшми*, супругѣ бога Вишну, подобно Греческой Афродитѣ, или супругѣ бога Ифеста, (соотвѣтственнаго Египетскому Фтасу), имя котораго Кіевскій Лѣтописецъ пояснилъ Русскимъ именемъ *бога Сварога* (*), и слѣдственно, *Сварогъ* былъ нашъ Ифестъ или Вулканъ, богъ огня. У Вацерада (въ Mater verborum) Афродита переводится именемъ Славянской богини *Пріи*; Цитера или Венера, — именемъ Славянской богини *Лады*, которой имя знакомо было и на Руси, да и понынѣ звучитъ въ народныхъ припѣвахъ. И мнѣ кажется несомнѣнно, что *Лада* и *Морская-Пани* одно лице; что праздникъ Лады, начинавшійся въ исходѣ Мая, нѣкогда и на Украинѣ приходился на Русальной недѣлѣ, когда и наши Нимфы-Русалки выходятъ изъ своихъ водъ на сушу. По сказкѣ, Морская Пани вышла изъ моря на землю, соблазнясь *зелеными черевичками* (башмачками): эта обувь можетъ значить вообще травную Майскую зелень; но еще ближе къ сказкѣ можно признать здѣсь именно ту красивую траву, изъ семейства *Любковыхъ* (orchideae), которая по Украински зовется *Черевичками*, да и по Латински у ботаниковъ издавна зовется Calceolus, а Линней придалъ ей родовое имя, по имени Киприды — Cypripedium (**). Эта трава ростетъ по низменнымъ луговымъ мѣстамъ, и цвѣтетъ въ Маѣ. Что касается до самого героя сказки, *Котигорошка*, то онъ, конечно, принадлежитъ также къ числу лицъ Южнорусской миѳологіи.

Войдя въ кругъ народныхъ Русскихъ пѣсень, обычаевъ, повѣрьевъ, сказокъ, мы съ тѣмъ вмѣстѣ уже вошли неизбѣжно въ кругъ миѳо-

---

(*) Хотя въ Кіевской Лѣтописи *Дажьбогъ* названъ *сыномъ Свароговымъ*, но это потому собственно, что нашъ лѣтописецъ именами Южнорусскихъ боговъ перецѣлъ съ Греческаго языка Египетское сказаніе обо *Озирисѣ* и *Фтасѣ*; у Русскихъ язычниковъ могло и не быть этого родственнаго отношенія между богомъ-солнцемъ и богомъ огня; могло быть отношеніе другое, какъ на примѣръ въ миѳологіи Грековъ и Римлянъ. По той же причинѣ и все сказанное въ Лѣтописи о двухъ богахъ Египетскихъ, не слѣдуетъ присвоять непремѣнно и нашимъ Дажьбогу и Сварогу. Миѳологія Грековъ во многомъ ближе къ намъ, чѣмъ Египетская. Греки, собиравшіе у всѣхъ, доступныхъ имъ народовъ, миѳы въ свою богатую миѳологію, конечно, заимствовали нѣкоторые изъ нихъ и у племени Славянскаго; и мы, прибѣгая къ Греческой миѳологіи для поясненія обломковъ нашей миѳологіи, беремъ оттуда иногда, можетъ-быть, наши же миѳы, но уже какъ Греческіе.

(*) «*Cypripedium*, quasi calceum Veneris, diximus a floris figura et viribus». См. *Linnaei* flora Lapponica, 1737., p. 248.

Digitized by Google

предковская, языческая старина Русской земли, гаданная, но изучаемая и наблюдаемая уже съ долж и соображеніемъ.

Г. Сахаровъ, начавъ свои многополезныя «Сказа рода» *Славянорусской Миѳологіей*, увѣряетъ п когда не бывало божества *Лады* у язычниковъ Сла «подивился,—говоритъ,—странности нашихъ миоогр *Ярило* причислить къ Славянорусскимъ божествамъ, онъ упрекаетъ нашихъ миографовъ и археографовъ « «подъ видомъ ученыхъ изслѣдованій, прибѣгаютъ къ не тіямъ и наводятъ на нашихъ предковъ *позорчу божія*!» (см. Сказ. Р. Н. кн. VII).

Но эта тѣнь лежитъ на всѣхъ племенахъ *Индое* лѣна, въ томъ числѣ и на нашемъ *Славянскомъ*. Славянорусскихъ предковъ было *многобожіе*, въ то и самому сомнительному археографу нельзя усомнить Первопачальникъ въ сказаньяхъ о Русскомъ нар Несторъ, повѣствуетъ о Кіевскихъ кумирахъ *Перуна*, *бога*, *Стрибога*, *Сима-Рыла*, *Мокоши*; когда древній *Христолюбецъ* говоритъ о нашихъ пред крестіане вѣрующе въ *Перуна*, и *Хорса*, и въ *Си* и въ *Вилы*, ихъ же числомъ *тридесять* сестре окаяннїи невѣгласы; то все мнять *богы* и *богын* кладаютъ имъ требы, и короваи имъ ломять, и ку и *огневи* молятся, зовутъ его *Сварожищемъ*». любцевъ было разгонять эту «тѣнь многобожія», долго лежала на нашихъ предкахъ, какъ и на прочи имъ, племенахъ, въ томъ нечего винить миографовъ ихъ дѣло собирать отовсюду слѣды и останки пре многобожія нашихъ предковъ въ одну *Славянорусс* какъ *Геологія*, собирая разсѣянные по всей земл топныхъ животныхъ и растеній, возсоздаетъ по знанія, два органическія царства, нѣкогда жившія на племенъ Индоевропейскаго колѣна лежитъ въ осно *запасѣ* вѣрованій и словъ, который потомъ, у развившись по своему, и устроился *особенно* у *Русской Миѳологіи* и *Русской Филологіи* всего

Digitized by Google

онѣ и состояться основательными науками; а для бо́льшей полноты и твердости своей, нельзя же имъ не справляться съ вѣрованіями и рѣчами другихъ Индоевропейскихъ племенъ, и не повѣрять себя ими!

Вотъ, на примѣръ, хоть бы и о Великороссійскомъ *Ярилѣ*, по поводу котораго г. Сахаровъ хотѣлъ удивить Европу *странностью* нашихъ миѳографовъ, что они *умѣли* причислить Ярила къ Славяно-русскимъ божествамъ!.. Въ Воронежѣ, гдѣ празднество *Ярила* принимало въ прошломъ столѣтіи наибольшій размѣръ, преосвященный *Тихонъ*, прекратившій тамъ это празднество, говорилъ объ немъ: «Изъ обстоятельствъ онаго видно, что древній нѣкакій былъ идолъ, прозываемый именемъ *Ярило*, который въ сихъ сторонахъ за *бога* почитаемъ былъ, пока еще не было христіанскаго благочестія». Согласно съ этимъ мнѣніемъ Воронежскаго іерарха, послѣдующіе миѳографы зачислили *Ярила* въ число языческихъ Русскихъ *божествъ*, и поступили совершенно справедливо. *Ярило*, въ собственномъ и первоначальномъ его значеніи, есть *богъ весны*, Веснякъ, какъ это видно уже по имени его, происшедшему отъ Славянскаго слова *яро* или *ярь*—весна (и по Гречески ἔαρ), отъ котораго и названіе хлѣба весною сѣмаго *яриною* или *ярью*. *Ярило* тоже, что въ Западной Славянщинѣ *Яръ*, *Яробудъ*, *Яровитъ* въ ихъ первоначальномъ значеніи; тоже, что Индійскій *Гарисъ*—одно изъ именъ бога Вишну, означающее, между прочимъ, *зеленаго*. Жрецъ Полабскаго Яровита говоритъ отъ его имени: «Я покрываю травою поля и листьями лѣса!» Но если онъ былъ дамъ же и Марсомъ, и данъ былъ его кумиру *золотой щитъ*, при ударѣ въ который жрецомъ попадали на земь новокрещенные поклонники этого бога, то это надо отнести уже къ его позднѣйшей исторіи въ Славянщинѣ Полабской. Тамъ значеніе Марса придавали многимъ богамъ — и *Святовиту*, и *Сварожицу*, и даже *Радигосту* (который у Вацерада сравненъ съ Меркуріемъ и названъ *внукомъ Кирта*). На Руси этого не было съ *Яриломъ*; а потому напрасно и сравнивать его съ Аресомъ (*), тѣмъ болѣе.

(*) Снегиревъ, въ своемъ ученомъ трудѣ «Русскіе простонародные праздники», Вып. IV. 1839, стр. 55, признавъ Великороссійскаго Ярила «за божество мужества и вожделѣнія», примѣняя къ нему Греческихъ Ареса и Эрота.

Digitized by Google

что Греческій Аресъ тоже, что Египетскій *Горосъ, старшій* (усыновленный Озирису), что Индійскій *тарасъ* или *гара* — имя Сивы въ значеніи бога войны; а съ ними однозначителенъ, какъ мнѣ кажется, нашъ Кіевскій *Хорсъ*, названный въ Игоревой Пѣсни *великимъ Хръсомъ*. Праздникъ *Ярила* въ Воронежѣ кончался въ первый понедѣльникъ Петровки (послѣ Всесвятскаго заговѣнья), въ которомъ, въ тоже время, хоронятъ соломенную куклу *Ярила*, за которою жонки голосятъ съ разными причитаньями. Но въ Муромѣ, въ первый понедѣльникъ Петровки, дѣвицы и парни топятъ соломенную куклу, называемую *Костромою*. А въ Симбирской и Пензенской губерніяхъ эта игра разыгривается однѣми дѣвицами: *Кострому* представляетъ дѣвушка; прочія подружки кланяются ей, потомъ кладутъ ее, какъ бы не живую, на доску, несутъ къ рѣкѣ или пруду, и опускаютъ на воду, и всѣ вмѣстѣ съ нею купаются. Не смотря на разность обрядовъ и именъ, ясно видно, что *Кострома* долженъ быть тоже, что и *Ярило*. А что празднество Всесвятскаго понедѣльника у Московской Руси велось издревле, о томъ замѣтка сохранилась въ Стоглавѣ, гдѣ сказано: «Въ первый понедѣльникъ Петрова поста въ рощи ходятъ и въ Наливки, *бѣсовскія потѣхи дѣяти.*»

На Украинѣ первый понедѣльникъ Петровки называется *Розыграми*, и празднуется преимущественно жонками. Встарину, онѣ въ этотъ день хоронили соломянную куклу мужескаго пола, называемую *Кострубонькомъ*, голосили надъ нею разныя причитанія (*), и пѣли слѣдующую пѣсню, перемежая заунывный напѣвъ съ веселымъ:

«Помéръ, померъ Кострубонько,
Сивый, милый голубонько:
Зосталася хатка,
Ищé й сѣножатка,
И ставóкъ и млинóкъ,
И вишнéвенькій садокъ.
Що у ставокъ купатися,
А у млинокъ проспатися,

(*) Г. Терещенко, въ своемъ «Бытѣ Русскаго народа,» 1848. Т. V, стр. 101., описалъ подобный обрядъ, видѣнный имъ въ Малороссіи, во время его юности; но онъ не упоминаетъ ни о пѣснѣ, ни о названіи куклы Кострубонькомъ.

Digitized by Google

А у садокъ погуляти,
Кострубонька поминати.»

Въ нынѣшнее время, покинувъ и позабывъ этотъ третій обычай свой, Украинскія жонки *на Рóзыгры* собираются въ веселыя бесѣды—*замачивать дойницы*, къ предстоящему сбору молока въ продолженіе Петровки. *Замачиванье* производится такимъ порядкомъ, что, поставивъ на землѣ новую дойницу, жонки усаживаются вокругъ нея, и потомъ начинается круговая чарка, за которою высказываются и выпѣваются разныя хозяйственныя благожеланія:

«Щобъ дойница не текла,
А хозяйка весела була!
Щобъ хозяйка не засыпала,
Да до коровы рано вставала!
Щобъ корова стояла, .
Да по багату молока давала!» и т. п.

Между тѣмъ *Кострубонько*, котораго жонки провожали нѣкогда съ жалостью, въ заключеніе весны, былъ въ ходу и у дѣвчатъ Южнорусскихъ въ началѣ весны. На Украинѣ дѣвчата водили особенный танòкъ, въ которомъ одна, въ срединѣ круга, представляла умершаго Кострубонька, при чемъ ея подружки пѣли нѣсколько разъ, ходя вокругъ нея:

«Помéръ, померъ нашъ Кострубонько;
Померъ, померъ нашъ голубонько!
Кобыло жъ наша бѣлобокая,
Не впали зъ мóста,
Не вмочи хвóста!»

Наконецъ, дѣвушка, представляющая Кострубонька, вскакиваетъ, а подружки ея поютъ весело и громко:

«Оживъ, оживъ нашъ Кострубонько,
Оживъ, оживъ нашъ голубонько!» и т. п.

Такъ разыгривался этотъ весенній танокъ лѣтъ за двадцать подъ Переяславомъ, надъ рѣчкою Каранью (на которой, въ Староселѣ, проходило мое первоначальное дѣтство). Но въ Червоной Руси Кост-

Digitized by Google

рубонько играется иначе: дѣвушка въ срединѣ круга тужитъ по немъ, какъ бы въ ожиданіи его, и спрашиваетъ о немъ у подружекъ, которыя всѣ отвѣчаютъ ей, что Кострубонько лежитъ въ недугѣ,—и она при этомъ, беручись за голову, поетъ плачевно.

«Що жъ я бѣдна учинила,
Кострубонька не любила!..»

Наконецъ ей говорятъ, что Кострубонько уже померъ. (См. Жеготы Pauli Pieśni ludu Ruskiego w Galicyi. 1839, T. II. 22).

Очевидно, что Южнорусскій *Кострубонько*, оживающій въ началѣ весны и погребаемый въ заключеніе ея, есть сама *весна*, олицетворенная въ мужескомъ видѣ. Это одно лице съ Великороссійскимъ *Костромою* и съ *Яриломъ*, въ которомъ мы уже признали языческаго *бога весны*.

Въ Украинскомъ просторѣчіи бранчивое слово *кóструбъ* означаетъ нечесу, кудлая; это даетъ намъ мысль, что Украинскій миѳическій веснякъ былъ представляемъ съ головою всклокоченною. Такъ имена языческихъ божествъ, переходя въ нарицательныя имена, удерживали нѣчто отъ ихъ свойствъ или принадлежностей. Имя громовержца *Перуна* стало значить молнію или громовую стрѣлу; имя богини любви *Лады* у Словаковъ обратилось въ названіе распутной женщины; имя Западнославянской *Дюнди*, которое такъ торжественно звучитъ въ хоровой пѣснѣ Словацкихъ дѣвчатъ:

«Гойя, Дюндя, гойя!»

на Украинѣ обратилось въ нарицательное имя, которое безъ сорома возглашается только въ свадебной пѣснѣ жонками, когда онѣ, подобно Вакханкамъ, скачутъ и рукоплещутъ у дверей брачной коморы.

Наконецъ упомяну о слѣдующемъ обрядѣ, который *на розыгры* ведется въ Новгородъ-Сѣверской сторонѣ, надъ Десною. Молодежь собирается въ этотъ день гурьбою въ лѣсъ. Срубивъ нѣсколько *березовыхъ* вѣтвей, увиваетъ ихъ цвѣтами, потомъ несетъ съ пѣснями по селу и вокругъ села, и наконецъ бросаетъ ихъ въ рѣку. Эти проводы весны, въ видѣ потопленной *березы*, называются тамъ *проводами Дремы*. Въ этомъ названьи тотъ смыслъ, что съ слѣдующимъ днемъ начинаются уже рабочіе дни Петровки, въ которые надо быть неусыпными, и о которыхъ поютъ на Украинѣ:

Digitized by Google

«Мала нѣчька-Петрѣвочка,
Не выспалась наша дѣвочка.»

Изо всего, что сказано о *Русальной* или *Зеленой* недѣлѣ, можно видѣть, что она во времена языческія была у насъ однимъ изъ самыхъ главныхъ праздниковъ въ году, праздникомъ *перехода весны въ лѣто*, который сопровождался обрядными играми въ честь многихъ божествъ. Потому-то *Русальныя игры* или *Русальи* у христіанскихъ писателей нашихъ обратились въ нарицательное имя всѣхъ вообще народныхъ шумныхъ игрищъ. Такъ и въ Московскомъ Стоглавѣ называются заодно и *Русальями* и *Еллинскими бѣсованіями* народныя игрища Купальскія, Рождественскія и Крещенскія. Русальныя игры Зеленой недѣли оканчиваются первымъ понедѣльникомъ Петровки. Тогда, въ, такъ называемыя, *Розыгры*, совершались послѣдніе *проводы весны*, погребеніемъ либо потопленіемъ ея, въ видѣ *Кострубонька*, или, подъ видомъ ея представительницы, *березы*. *Розыгры* — конецъ весны. На этомъ днѣ окончимъ и мы *Весну* нашихъ «Дней и Мѣсяцевъ».

М. Максимовичъ

1836 г. 7 Августа.
Михайлова Гора.

Digitized by Google